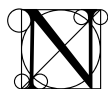

(PHILOSOPHY)

Элиас
КАНЕТТИ

Масса и власть

АСТ
МОСКВА

УДК 316.4
ББК 60.5
К19

Серия «Философия — Neoclassic»

Elias Canetti

MASSE UND MACHT

First published in 1960 by Claassen Verlag

Перевод с немецкого *Л. Г. Ионина*

Серийное оформление и дизайн переплета —
А. А. Кудрявцев, А. Б. Ткаченко, студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения издательства
Ullstein Buchverlage GmbH.

Канетти, Элиас.

К19 Масса и власть / Элиас Канетти ; [пер. с нем. Л. Г. Ионина]. —
Москва : АСТ, 2015. — 576 с. — (Философия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-089748-3

Как человек становится частью толпы? Почему перестает быть независимой личностью? Каковы механизмы, при помощи которых власть управляет массами? Что объединяет религию, тиранию и войну? Почему прошедшее столетие принесло человечеству столько катастроф, связанных именно с тоталитаризацией общества? Может ли это повториться?

В своем трактате «Масса и власть» Элиас Канетти, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1981 год, обобщает опыт минувшего столетия и задает вопросы, адресованные не только прошлому, но и будущему...

УДК 316.4
ББК 60.5

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin, 1960
© Перевод. Л. Г. Ионин, 2011
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-089748-3

СОДЕРЖАНИЕ

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ	9
---------------------------	---

МАССА

Обращенный страх прикосновения	23
Открытая и закрытая массы	25
Разрядка	27
Мания разрушения	28
Извержение	30
Мания преследования	33
Приручение масс в мировых религиях	35
Паника	38
Масса как кольцо	40
Свойства массы	41
Ритм	44
Задержка	48
Медленность или удаленность цели	55
Невидимые массы	58
Классификация по несущему аффекту	65
Преследующая масса	66
Масса бегства	71
Масса запрета	75
Массы обращения	78
Праздничные массы	83
Двойная масса: мужчины и женщины, живые и мертвые	84
Двойная масса: война	90
Массовые кристаллы	98
Массовые символы	100

СТАЯ

Стая и стаи	121
Охотничья стая	126

Военная стая	129
Оплакивающая стая	134
Приумножающая стая	139
Причастие	146
Внутренняя и тихая стаи	148
Определенность стай. Их историческое постоянство	150
Стаи в легендах о предках аранда	153
Человеческие построения у аранда	157

СТАЯ И РЕЛИГИЯ

Преобразование стай	161
Лес и охота у леле с Касаи	163
Военные трофеи живарос	168
Танец дождя у индейцев пуэбло	172
Динамика войны: первый мертвый, триумф	175
Ислам как военная религия	179
Религии оплакивания	182
Праздник мухаррам у шиитов	186
Католицизм и масса	196
Священный огонь в Иерусалиме	201

МАССА И ИСТОРИЯ

Массовые символы наций	210
Германия после Версаля	223
Инфляция и масса	228
Сущность парламентской системы	235
Распределение и приумножение. Социализм и производство	238
Самоуничтожение козов	242

ВНУТРЕННОСТИ ВЛАСТИ

Хватание и поглощение	251
Рука	262
К психологии еды	273

ВЫЖИВАЮЩИЙ

Выживающий	279
Выживание и неуязвимость	281
Выживание как страсть	283
Властитель как выживающий	285
Спасение Иосифа Флавия	288
Враждебное отношение властителей к выживающему.	
Властитель и преемник	300
Формы выживания	305
Выживающий в верованиях первобытных народов	310
Мертвые как пережитые	324
Эпидемии	338
Об атмосфере кладбища	341
О бессмертии	343

ЭЛЕМЕНТЫ ВЛАСТИ

Насилие и власть	346
Власть и скорость	348
Вопрос и ответ	351
Тайна	358
Суждение и осуждение	366
Власть прощения. Помилование	368

ПРИКАЗ

Приказ: бегство и жало	370
Одомашнивание приказа	375
Отдача и страх перед приказом	377
Приказ многим	378
Ожидание приказа	381
Ожидание приказа паломниками на Арафате	383
Жало приказа и дисциплина	385
Приказ. Конь. Стрела	387
Религиозные оскпления. Скопцы	390
Негативизм и шизофрения	394
Обращение	397
Избавление от жала	401

Приказ и казнь. Удовлетворенный палач	404
Приказ и ответственность	406

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Предчувствие и превращение у бушменов	409
Превращение как бегство. Истерия, мания и меланхолия	415
Самоумножение и самопоглощение. Двойкий образ тотема	422
Масса и превращение в <i>Delirium tremens</i>	436
Подражание и притворство	451
Фигура и маска	455
Обратное превращение	461
Запреты на превращение	463
Рабство	469

АСПЕКТЫ ВЛАСТИ

О позициях человека: что в них есть от власти	471
Дирижер	481
Известность	484
Порядок времени	485
Двор	487
Растущий трон императора Византии	489
Идеи величия у паралитиков	491

ГОСПОДСТВО И ПАРАНОЙЯ

Африканские короли	499
Делийский султан Мухаммед Туглак	516
Случай Шребера. Первая часть	530
Случай Шребера. Вторая часть	548

ЭПИЛОГ

Изживание выживающего	567
-----------------------------	-----

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

I

В 1994 году Элиас Канетти ушел из жизни, опровергнув тем самым собственные теории о бессмертии. Я говорю это без всякой иронии, ибо, читая книги Канетти, а особенно его рассуждения о причинах смерти, можно было поверить, что он сумеет с нею справиться и не умрет.

Смерть, как ее видел Канетти, — не столько природный феномен, сколько идеология. Поэтому он считал, что фрейдовский инстинкт смерти *танатос* — это «просто смешно». Он говорил в одном интервью:

«Я много занимался смертью, и считаю, что это неверно — предполагать наличие фундаментального влечения к смерти. Смерть и без того слишком сильна и не надо без необходимости подчеркивать ее преобладание. Моя позиция... состоит в неприятии смерти, в том, чтобы противостоять ей и пытаться изгнать ее отовсюду, где она сумела к нам прокрасться, потому что она оказывает очень плохое моральное и общественное влияние...

Я хотел бы, чтобы смерть рассматривалась отдельно от всего, что принято и допустимо, как это уже было когда-то. Ибо когда люди говорят о жизни и смерти, как бы уравнивая в правах одно и другое, они забывают, что смерть не всегда была естественна. Она стала естественной в последние пару тысяч лет нашей истории. ...В предыстории у всех народов смерть не считалась естественной, наоборот, она воспринималась как нечто настолько неестественное, что каж-

дая смерть считалась убийством.» (Canetti E. *Die gespaltene Zukunft*. München, 1972, S.124).

Кроме того что смерть является идеологией, она является инструментом, а именно — главным инструментом власти. Собственно, две эти ее функции на практике часто неразличимы. Борьба Канетти против власти, или, точнее сказать, разоблачение власти, предпринимаемое в этой книге, как раз и представляет собой часть той борьбы против смерти, о которой он говорит в процитированном отрывке.

В книге, которую Вы раскрыли, — не два, как это указано в заглавии, но три «героя»: масса, власть и смерть. Тема ее — взаимодействие массы и власти в силовом поле смерти. Смерть — это тот посредник, который придает динамизм взаимодействию массы и власти, — двух основных агентов истории. Смерть — это то, чем «питается» власть, что служит главным стимулом и средством ее разворачивания, усиления, самореализации. Власть — это то, что паразитирует и разбухает на смерти. Если следовать логике этой книги, то можно признать, что не будь смерти, власти бы не существовало. Поэтому борьба против смерти есть одновременно борьба против власти — против методов, методологий, приемов, способов, объяснений и истолкований, применяемых ею для достижения своих целей. Собственно говоря, разъяснению и разоблачению их и посвящена настоящая книга; она о том, как реализуется власть — о ее, власти, адской кухне, куда не допускаются или в существование которой не могут поверить обыкновенные люди, и где великие вожди, властители и полководцы без готовых рецептов, по наитию, движимые безошибочным чутьем, создают историю.

То, что она оказывается трагичной, мрачной, кровавой, властители не считают своей виной. Они говорят, что история такова, какова есть, и будь на их месте другой человек, все повернулось бы все равно точно таким же образом. На самом деле, говорит Канетти, история не решает ни за кого, про нее нельзя сказать, что она поддерживает власть или

любит сильных. Просто власть и сила решают все в свою пользу, а потом путем не слишком хитрых манипуляций с причинами и следствиями подают дело так, будто история решила все сама, а они, мол, просто выполняли ее волю, которая, будь на их место кто-то другой, все равно реализовалась бы именно таким же образом.

Это обман. Раскрывая рецепты, по которым вожди и владыки создают историю, Канетти протестует против фаталистического отношения к смерти и к власти. Как у австралийского племени *аранда*, о котором он пишет здесь подробно, никто не умирает сам по себе (если кто-то умер, значит он убит), так же и история не убивает: убивает власть, которая всегда имеет конкретное лицо.

II

Таковы взгляды Канетти на смерть. Между его рождением и смертью, которой ему не удалось избежать, прошло 89 лет. Он родился 25 июля 1905 г. в болгарском городе Русчук (Русе), входившем тогда в состав Австро-Венгерской империи, в семье потомков испанских евреев, изгнанных маврами из Испании в XV в. В 1911 г. вместе с семьей он переезжает в Лондон, а в 1913 г. после смерти отца, умершего молодым, — с матерью в Вену. С 1916 по 1924 г. он ходил в школу в Цюрихе и Франкфурте-на-Майне, а потом изучал естественные науки в университете в Вене, где и получил степень доктора философии. В 1938 г. в связи с так называемым аншлюсом Австрии, присоединением ее к нацистскому рейху, Канетти покидает континент и селится в Англии, где живет и работает до конца жизни.

Работа приносила плоды: Канетти был удостоен множества немецких и австрийских литературных наград и премий, а в 1981 г. стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Он написал романы «Ослепление» и «Аутодафе», несколько пьес, издал несколько книг публицистики, несколько книг путевых заметок, несколько книг мемуаров, несколько книг афоризмов, а также «Массу и власть». Это — труд его жизни, *opus magnum*, на который автор возлагал наибольшие надежды. Впрочем, он говорил об этом сам. Свои надежды и планы в связи с этой книгой он выразил в одной из дневниковых записей, относящихся к 1959 году:

«Вчера рукопись «Массы и власти» ушла в Гамбург. В 1925-м, тридцать четыре года назад, явилась первая мысль о книге, посвященной массе. Однако действительный зародыш ее возник еще раньше: демонстрация рабочих во Франкфурте в связи с гибелью фон Ратенау; мне было семнадцать лет. С какой стороны ни взглянуть, вся моя взрослая жизнь была заполнена этой книгой, но с тех пор, как живу в Англии, а значит, более двадцати лет, я, хотя и с трагическими перерывами, почти ни над чем другим не работал.

Стоило ли это таких усилий? Оплатил ли я это многими другими произведениями? Что ж, я могу сказать. Я должен был делать то, что делал. Мной распоряжалась сила, которой мне никогда не понять.

Я вел разговоры об этом, когда не было еще ничего, кроме намерения написать это исследование. С величайшей амбицией я объявлял о несуществующей еще книге, чтобы покрепче пристегнуть себя к ней. В то время как все знакомые подталкивали меня к тому, чтобы я завершил ее, я не закончил ее ни часом раньше, чем представлялось мне верным. Лучшие друзья потеряли за эти годы веру в меня; все тянулось слишком долго, нельзя было сердиться на них за это.

И вот теперь я говорю себе, что мне это удалось: схватить наше столетие за горло» (Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. М., 1990, с. 289—290).

Последняя фраза звучит странно. Когда Вы прочтете книгу, то увидите, что в ней на протяжении почти 500 стра-

ниц не наберется и 10 строчек о нашем столетии (за исключением пары страниц в эпилоге). Величайшие властители нашего века, такие, например, как Сталин или Гитлер, в этой книге отсутствуют, так же как отсутствуют в ней величайшие массы нашего столетия, не случайно все-таки именуемого «столетием масс»! И тем не менее это так: это книга о XX веке, в которой XX век не упоминается.

С моей точки зрения, тем она страшнее и тем безысходнее вытекающие из нее истины. Есть множество интерпретаций страшных массовых бедствий и массовых злодеяний нашего столетия. Очень тонкие, остроумные, демонстрирующие высочайшую эрудицию и наблюдательность авторов, они раскрывают, так сказать, логику добрых намерений, приведшую к страшным последствиям. Так, мыслители Франкфуртской школы показывают, что возникновение тоталитаризма, ужас Майданека и Освенцима, гекатомбы жертв — все это продукт социально-освободительных устремлений Нового времени, результат просвещенческой пропаганды и борьбы за демократию, которая вылилась в победу масс. Ханна Аренд выдвинула несколько иную версию, но и ее идея заключается в том, что тоталитаризм со всеми его ужасами и прежде всего массовыми убийствами и страшной войной — продукт нашего и исключительно нашего времени, что он «соткался» из множества характерных для XIX и XX вв. идейных течений и социальных тенденций, что он — плоть от плоти и кровь от крови нашего столетия.

Да и мы в общем-то не очень далеко ходим за объяснениями наших собственных бед. Сталинизм — это практическая версия марксизма, сложившаяся в процессе борьбы за освобождение сначала рабочего класса, а потом вообще человечества. Прозрения С.Эйзенштейна в «Иване Грозном», оцененные Сталиным, мы не оценили в должной мере.

Объяснений фашизма и сталинизма много. Появляются все новые объяснения, опирающиеся на новые факты,

являющиеся свету. Но все они едины в том, что фашизм и сталинизм — новейшие феномены истории.

И вдруг на то, что он «схватил столетие за горло», претендует автор, посвятивший этому столетию лишь пару страниц в эпилоге.

Чисто пространственное соотношение материалов не должно обманывать. Сам Канетти писал, что главный его труд посвящен исследованию корней фашизма, хотя само слово там и не называется. Но я думаю, что такое определение темы «Массы и власти» сильно ее суживает; если эта книга и посвящена XX веку, то лишь потому, что в нем история выразилась не по-новому, а очевиднее, чем раньше. XX век со всеми его трагическими событиями: попранием человеческих жизней, войнами, массовым террором, — не является чем-то исключительным в человеческой истории. Если он и превосходит другие века по масштабам жертв, то не потому, что он достиг какой-то не сравнимой с прежними временами жестокости или что люди сделались глупее или кровожаднее, а потому лишь, что выросли их технологические возможности.

Цели же, намерения, мотивы действий не изменились, так же как не изменились движущие человеком аффекты. Короче, XX в. не изменил природу человека, а вместе с ней природу массы и природу власти. По-прежнему власть движима выживанием, и смерть остается ее орудием, и по-прежнему динамика истории — это динамика власти и массы в силовом поле смерти. Гитлер, Сталин и другие вожди XX столетия хорошо это понимали, но они понимали это не хуже и не лучше, чем множество других великих вождей в истории человечества.

Так что постижение XX века в его чудовищных злодеяниях оказалось возможным путем пристального взглядывания в историю древних и чуждых нам народов. Век как век, не лучше других и не хуже... Природа человека не меняется, а властитель оказывается вечным фашистом.

III

Я не буду пытаться здесь оценивать эту книгу, искать какие-то идейные связи с другими философами, этнографами, исследователями социальной жизни. С моей точки зрения, основополагающие идеи Канетти в «Массе и власти» абсолютно новы. Эта книга прожила уже тридцать пять лет, и реакция на нее показывает, что впереди у нее еще большое будущее. Как писал один из немецких рецензентов, «размышляя о массе и власти, образованный европеец думает о Ницше в связи с властью, а также об Ортеге и Лебоне в связи с массой. В будущем он должен будет думать о Канетти и забыть многое из того, что усвоил от трех остальных».

К этим именам можно добавить еще Фрейда. Действительно, проблемам, которые поднимали и намечали эти четверо, у Канетти дано новое и оригинальное освещение.

Исходный феномен массы — преодоление страха перед прикосновением. Человек страшится и избегает прикосновений других людей, старается держаться от них на некотором отдалении (социальные дистанции, системы статусов — одна из форм такого дистанцирования). В массе страх перед прикосновением снимается, все дистанции ликвидируются. Происходит психологическая разрядка. В массе один человек равен другому. Масса живет своей особой жизнью как целостное существо со своими закономерностями возникновения, существования и распада.

Изначальный феномен власти — выживание. Властитель — это тот, кто выживает, когда другие гибнут. В изначальном феноменологическом смысле властитель — это тот, кто стоит, когда все вокруг пали. Архетип властителя — герой, стоящий над трупами павших, причем не важно даже, кто эти павшие — уничтоженные им враги или погибшие друзья, союзники и т.д. В счет идет лишь выживание. Чем больше тех, кого он пережил (все равно, враги это или дру-